

Елена Крюкова

Сотворение мира

Елена Николаевна Крюкова

Сотворение мира

предоставлено правообладателями
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171765
Елена Крюкова «Сотворение мира»:

Аннотация

В книгу входят пять крупных циклов – книг стихов: “Книга Исхода”, “Кхаджурахо – Книга Любви”, “Реквием для отца среди ненаписанных картин”, “Франция. Фреска”, “Русское Евангелие”.

В “Книге Исхода”, на примере вариаций на ветхозаветные темы и использования древнейшей земной символики, дана попытка осмысления извечного трагизма мира и силы духа человека.

Соединение человеческой любви с мощью Бытия – колорит книги “Кхаджурахо”. Впервые в русской поэзии Крюкова ярко, смело, живописно изображает красоту и драматизм живого Эроса, чем и заслужила от Евгения Евтушенко характеристику “последнего поэта страсти” (“Строфы века”, М., 1995)

Дочь художника, Крюкова создала стихотворный памятник русским художникам-живописцам и своему отцу, художнику Николаю Крюкову, в книге “Реквием для отца среди ненаписанных картин”.

“Франция. Фреска” – сверкающий, как самоцвет, гимн прекрасной Франции, с которой у поэта давние связи – Франция,

на протяжении многих лет, источник вдохновения для Крюковой и ее мужа, известного художника Владимира Фуфачева.

“Русское Евангелие” – масштабная стихотворная фреска, каждый фрагмент которой – евангельский сюжет, перенесенный на русскую, славянскую почву. Жизнь, смерть и воскресение “русского Христа” ведут начало от древней “Голубиной Книги”, от “русского Распятия” из “Андрея Рублева” А. Тарковского, от тютчевского: “...всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя...” Отрывки из “Русского Евангелия” Крюковой публиковались в журнале “Дружба народов” и в “Литературной газете”.

Автор смело ставит знак равенства между мифом и жизнью, поднимаясь от интерпретации древних мифов Земли до современных социальных обобщений. Бесспорный темперамент поэта сообщает книге динамизм, напряженность и рельефность эмоций. Живописная метафора не закрывает от читателя остроту мысли.

Содержание

Книга исхода	6
Бег	6
Юдифь и Олоферн	9
Варьете	17
Встреча Марии с Елизаветой	20
Анкор, еще анкор!...	23
Юродивая	26
Дух белого офицера взирает на Россию нынешнюю	31
Мальчик с собакой. Ночной рынок	35
Девочка с мандарином. Вечерний рынок	38
Торговка шкурами на иркутском рынке Люба	39
Песня	40
Адам и Ева	42
Омулевая рыбачка Зинаида	44
Витрина	46
Звезда полынь. Ночь	48
Видение праздника. Старая Россия	50
Видение рая	53
Уличная ель. Новогодье	56
Видение жены, стоящей за куском хлеба	58
Тьма египетская	63
Давид и Саул	65

Царица Астис прощается с царем	68
Артаксерксом	
Видение жены на космической станции	74
Фавор	80
Пророк Илия возносится на огненной	85
колеснице	
Иов	89
Пир Валтасара	91
Два урки, в поезде продающие библию за	94
пятерку	
Орган	96
Мать мира	102
Ковчег	104
Видение войска на небе	107
Крик	109
Баянист под землей	111
Кхаджурахо	115
Любовь	115
Тьма пред рассветом	118
Храм Кхаджурахо	121
Дом	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Елена Крюкова

Сотворение мира

(книга стихотворений **в пяти книгах)**

Книга исхода

Бег

Останови! – Замучались вконец:
Хватаем воздух ртом, ноздрями,
С поклажей, чадами, – где мать, а где отец,
Где панихидных свечек пламя, —

По суховеям, по метелям хищных рельс,
По тракту, колее, по шляху, —
Прощанья нет, ведь времени в обрез! —
И ни бесстрашия, ни страха, —

Бежим, бежим...
Истоптана страна!

Ее хребет проломлен сапогами.
И во хрустальном зале ожидания, где она,
Зареванная, спит, где под ногами —

Окурки, кошки, сироты, телег
Ремни, и чемоданы, и корзины, —
Кричу: останови, прерви сей Бег,
Перевяжи, рассекнув, пуповину!

Неужто не родимся никогда?!
Неужто — по заклатью ли, обету —
Одна осталась дикая беда:
Лететь, бежать, чадить по белу свету?!

Ползти ползком, и умирать ничком —
На стритах-авеню, куда бежали,
В морозной полночи меж Марсом и стожком,
Куда Макар телят гонял едва ли...

Беги, народ! Беги, покуда цел,
Покуда жив — за всей жратвою нищей,
За всеми песнями, что хрипло перепел
Под звездной люстрой барака и кладбища!

Беги — и в роддома и в детдома,
Хватай, пока не поздно, пацаняток,
Пока в безлюбье не скатил с ума,
Не выстыл весь — от маковки до пяток!

Кричу: останови!... – Не удержать.
Лишь крылья кацавеек отлетают...
Беги, пока тебе дано бежать,
Пока следы поземка замечает.

И, прямо на меня, наперерез,
Скрився на табло, как бы от боли,
Патлатая, баулы вперевес,
Малой – на локте, старший – при подоле,

Невидяще, задохнуто, темно,
Опаздывая, плача, проклиная...
Беги! Остановить не суждено.
До пропасти.
До счастья.
До края.

Юдифь и Олоферн

Дымы над крышей, Медная Луна,
Шатаясь, плачет надо мною...
О! Голова моя отягчена
Висящей бронзой, бахромою
Аквамаринов, серьги близко плеч
Мотаются, и шуба жжет мехами...
Я – воздух жгу, я – зарево, я – печь,
Я – пламя: меж румянами, духами...

Трамвайный блеск, парадов звон и чад,
Голодные театры лавок,
И рынки, где монетами гремят
И где лимон рублевый сладок,
Моста бензинного чугунный козий рог
Над ледокольной невестинной рекою,
А за рекой – чертог, что дикий стог,
Разметанный неистовой рукою...
Он весь в снегу горит, Там Олоферн
Пирует, ложкою неся икру из миски
Фарфоровой – ко рту, чернее скверн,
А тот, прислужник, кланяется низко...
А тот, лакейчик, – ишь, сломался он,
Гляди-ка, хрустнет лъстивая хребтина!...

Ну что ж, народ. Ты погрузился в сон,

Тебе равно: веревка... гильотина...

Так. Я пойду. Под шубой – дедов меч.
В лицо мне ветер зимние монеты,
Слепя, швыряет. Сотней синих свеч
Над черепицей – звезды и планеты.
Не женщина, не воин и не зверь,
Я – резкий свет на острие дыханья.
Я знаю все. Вот так – ударю дверь.
Так – взором погружу во прозябанье
Телохранителей. Так – локтем отведу
Ту стражу, что последняя, в покои...
Он спит, Тиран. Его губа в меду.
Ему во сне – изгнанники, изгои,
Кричащие близ дула и в петле...
Мне дымно. Душно. Меч я подымаю.
Мех наземь – с плеч! Ходил ты по земле.
Ты хочешь жить – я это понимаю,
Но над тобой, хрипя, я заносу
Всю боль, всю жизнь, где ниц мы упали!
И то не я возмездие вершу:
То звезды – бузиною по ножу —
Так обоюдоостро засверкали!

И пусть потом катится голова,
И – ор очнувшихся от спячки,
И я, как пасека зимой, мертва, —
А морды смердов, что жальчей подачки,
Грызут глазами, —

Кулаки несут,
Зажавши, сумасшедшие шандалы,
И рты визжат, – но я свершила суд,
Я над содеянным стояла —

Я, баба жалкая, – не целая страна, —
В сережках, даренных пустыми мужиками,
Юдифь безумная, – одна, совсем одна —
Пред густо населенными веками!
И, за волосы голову держа
Оскаленную – перед вами, псы и люди,
Я поняла, звездой в ночи дрожа,
Что все —

И повторится, и пребудет.

Норд-ост

В этой гиблой земле, что подобна костру,
Разворошенному кочергою,
Я стою на тугом, на железном ветру,
Обнимающем Время нагое.

Ну же, здравствуй, рубаха наш парень Норд-Ост,
Наш трудяга, замотанный в доску,
Наш огонь, что глядит на повесть и погост
Аввакумом из хриплой повозки!

Наши лики ты ледяной клешнею цеплял,
Мономаховы шапки срывая.
Ты пешней ударял во дворец и в централ,
Дул пургой на излом каравая!

Нашу землю ты холодной дланью крестил.
Бинтовал все границы сквозные.
Ты вершины рубил.
Ты под корень косил!
Вот и выросли дети стальные.

Вот они – ферросплавы, титан и чугун,
Вот – торчащие ржавые кольца...
Зри, Норд-Ост! Уж ни Сирий нам, ни Гамаюн
Не споют над любовью и болью —

Только ты, смертоносный, с прищуром, Восток,
Ты пируешь на сгибших равнинах —
Царь костлявый, в посту и молитве жесток,
Царь, копье направляющий в сына,

Царь мой, Ветер Барачный, бедняк и батрак,
Лучезарные бэры несущий
На крылах! И рентгенами плавающий мрак!
И сосцы той волчицы сосущий,

Что не Ромула-Рема – голодных бичей
Из подземок на площади скинет...
Вой, Норд-Ост! Вой, наш Ветер – сиротский, ничей:
Это племя в безвестии сгинет!

Это племя себе уже мылит петлю,
Этот вихрь приговор завывает, —

Ветер, это конец!
Но тебя я – люблю,
Ибо я лишь тобою – живая!

Что видала я в мире? Да лихость одну.
А свободу – в кредит и в рассрочку.
И кудлатую шубу навстречь распахну.
И рвану кружевную сорочку.

И, нагая, стою на разбойном ветру,
На поющем секиру и славу, —
Я стою и не верю, что завтра умру:
Ведь Норд-Ост меня любит, шалаву!

Не спущусь я в бетонную вашу нору,
Не забудь за алтарное злато.
До конца, до венца —
на юру, на ветру,
Им поята,
на нем и распята.
Мать Мария
Выйду на площадь... Близ булочной – гам,
Толк воробыный...
Скальпель поземки ведет по ногам,
Белою глиной
Липнет к подошвам... Кто *там*?... Человек?...
Сгорбившись – в черном:
Траурный плат – до монашеских век,
Смотрит упорно...

Я узнаю тебя. О! Не в свечах,
Что зажигала,
И не в алмазных и скорбных стихах,
Что бормотала
Над умирающей дочерью, – не
В сытных обедах
Для бедноты, – не в посмертном огне —
Пеплом по следу
За крематорием лагерным, – Ты!...
Баба, живая...
Мать Мария, опричь красоты
Жизнь проживаю, —
Вот и сподобилась, вот я и зрю
Щек темных голод...
Что ж Ты пришла сюда, встречу январю,
В гибнущий город?...
Там, во Париже, на узкой Лурмель,
Запах картошки
Питерской, – а за иконой – метель —
Охтинской кошкой...
Там, в Равенсбрюке. Где казнь – это быт,
Благость для тела, —
Варит рука и знаменье творит —
Делает дело...
Что же сюда Ты, в раскосый вертеп,
В склад магазинный,
Где вперемешку – смарагды, и хлеб,
И дух бензинный?!...

Где в ополовнике чистых небес —
Варево Ада:
Девки-колибри, торговец, что бес,
Стыдное стадо?!
Матерь Мария, да то – Вавилон!
Все здесь прогнило
До сердцевины, до млечных пелен, —
Ты уловила?...
Ты угадала, куда Ты пришла
Из запределья —
Молимся в храме, где сырость и мгла,
В срамном приделе...

– Вижу, все вижу, родная моя.
Глотки да крикнут!
Очи да зрят!... Но в ночи бытия
Обры изникнут,
Вижу, свидетельствую: то конец.
Одр деревянный.
Бражница мать. Доходяга отец.
Сын окаянный.
Музыка – волком бежит по степи,
Скалится дико...
Но говорю тебе: не разлюби
Горнего лика!
Мы, человеки, крутятся и мечась,
Тут умираем
Лишь для того, чтобы слякоть и грязь
Глянули – Раем!

Вертят богачки куничьи хвосты —
Дети приюта...
Мы умираем?... Ох, дура же ты:
Лишь на минуточку!...
Я в небесах проживаю теперь.
Но, коли худо, —
Мне отворяется царская дверь
Света и чуда,
И я схожу во казарму, в тюрьму,
Во плащ-палатку,
Чтоб от любви, вперяясь во тьму,
Плакали сладко,
Чтобы, шепча: «Боже, грешных прости!...» —
Нежностью чтобы пронзаясь до кости,
Хлеб и монету
Бедным совали из потной горсти,
Горбясь по свету.

Варьете

Жемчужными ногами – из-под цветной копны!
Кругами да бегами! А хохоты слышны!
Несут питьем густое и пряную еду...
Долой одежды – стоя!... – дрожат на холоду!...

Девчонки вы, печенки, – да с тыквами грудей, —
От ног крутых и тонких, мужик, похолодей!...
Музыка водопадом сдирает с кожи пот...
Танцуйте до упаду, – авось оно пройдет:

То Квазимодо-Время на глиняных ногах,
Что взял себе в беремя малец на костылях, —
А он плясать не может, он видел Гиндукуш...
Плесни мускатом в рожи, канкана красный туш!

Слизни-ка соль, красotka, с воздернутой губы...
Пляши – швырнули б сотку из гула голытьбы!
Да только те бояре, сощурясь, зрят канкан,
Да будто на пожаре, толкают в пасть банан...

Танцуй, танцуй, Галина!... А Сонька, ты чего?...
А скулы как малина! А в бисере чело!...
Колготки рвутся с хрустом, на зраках пелена —
Веселое искусство,
Веселая страна!

Веселые девахи, до тайников мокры, —
Танцуйте вы на плахе, танцуйте до поры:
Сей танец – не работа, сей грозный карнавал
Вас до седьмого пота за гроши убивал!

Целованы – по пьяни, в исподнем – из больниц,
Танцуйте, Кира, Кланы, в виду кабанных лиц!...
У попугаев ара наряды не пестрей...
Оттанцевать – до жара... и в «скорую» – скорей...

А трубы – нету сладу!... Табачный воздух рвут!...
Танцуйте до упаду – авось они пройдут,
Краснознаменны годы, казарменны гудки,
Фланговые народы с дрожанием руки...

Там будут псы и кошки и каждый – сыт и пьян...
Танцуйте, длинноножки, для них блатной канкан!
В роскошестве погибнем да в пиршестве помрем,
А все же спину выгнем
и рому отхлебнем!

И выбежим! И спляшем – во выюгах площадей,
Среди кремлевских башен, среди родных людей —
И спереди, и сзади – все в лентах и цветах! —
Краснознаменны бляди —
Любашки, Верки, Нади —
Задрогнув, при параде,
С улыбкой на устах.

Встреча Марии с Елизаветой

Навстречу друг другу
Две женщины шли.
Мария – во выюге —
Круглее Земли.

И Елизавета
Кругла, что копна...
– Ох, Машка!... Планета...
– Ох, Лизка!... Луна...

Им вызвездил иней
У рта – лисий мех...
– Ну, Машка!... А скинешь?...
– Ну, Лизка!... – И смех...

Мария погладит
Товаркин живот:
– Ну, ты не в накладе?...
– Умножу народ!...

И, тяжело брюхаты,
Морозы вдохнут:
– Хоша б не солдаты...
– Мальцов – заберут!...

И очи молодые
Струят слезный свет.
– Ты плачешь, Мария?...
– Нет, Лизонька... нет...

На пальце сверкает
Златое кольцо.
Из тьмы возникает
Родное лицо.

И слезы Марии
Летят на живот —
То снеги косые,
Беззвучный полет,

То ветры косые,
Косые дожди...
– Ты плачешь, Мария!...
– Лизок... погоди...

И так вынимает
Тряпичный комок,
И лик утирает
Соленый платок!

Худые рекламы.
Да счастье – взаймы.
О, мертвые сраму
Не имут!... А мы?!...

А Елизавета —

Вся шепот и всхлип:

– Мой... тоже там где-то...

Мой – без вести сгиб...

Анкор, еще анкор!...

В табачной пещере, где дым, как щегол,
Порхает по темным закутам,
Где форточка, будто Великий Могол,
Сощурилась мерзлым салютом,

Где добрая сотня бутылей пустых
В рост, как на плацу, подровнялась... —
О, сколько штрафных этих рюмок шальных
За мощным столом подымалось!... —

Где масляных, винных ли пятен не счесть
На драной когтями обивке, —
В каморе, где жизнь наша – как она есть,
Не сахар, не взбитые сливки, —

Один, человек на диване лежал,
На ложе в ежовых пружинах,
Тошмой, востроносый, – ну чисто кинжал —
Махни, и вонзается в спину...

Он пьян был в дымину. Колодою карт
Конверты пред ним раскидались...
Он выжил в слепом транспортере – то фарт!
И пули за ним не угнались...

Да только от воплей на минных плато,
От крика тех танков горящих
Он нынче в постель надевает пальто
И мерзнет! – теперь, в настоящем...

Ничем не согреться. Хлестай не хлестай
Подкрашенную хной отраву...
Яичница стынет. Полночный наш Рай.
Ад прожит: красиво, на славу...

Зазубрины люстры... Свечи мыший хвост...
И Жучка – комок рыжемордый...
Взы, Жучка!... Ну, прыгай – и в небо до звезд,
И в петлю: дворняги не горды!...

Ах, дворничиха, ах, дворянка моя,
Ну, прыгай же ты... через палку —
Свеча догорает... а в кипе белья —
Скелет, что пора бы... на свалку...

Еще, моя Жучка!... Анкор...эй, анкор!...
Вот так-то, смирайся, зверюга,
Как мы, когда – из автомата – в упор,
Пред телом веселого друга,

Под глазом приказа, в вонючем плену,
Во почте, где очи... не чают...
Полай ты, собака, повой на Луну —
Авось нам с тобой полегчает...

Ну, прыгай!... Анкор, моя моська!... Анкор!...
Заврались мы, нас ли заврали —
Плевать!... Но в груди все хрипит дивный хор —
О том, как мы там умирали!

Как слезно сверкает в лучах Гиндукуш!...
Как спиртом я кровь заливаю...
Анкор, моя шавка!... Наградою – куш:
Кость белая, кус каравая...

Мы все проигрались.
Мы вышли в расход.
Свечва прогорела до плоски.
И, ежели встану и крикну: «Вперед!...» —
За мной – лишь собаки да кошки...

Что, Армия, выкуси боль и позор!
А сколь огольцов там, в казармах...
Анкор, моя жизнь гулевая, анкор,
Мой грязный щенок лучезарный.

Юродивая

Ох, да возьму черпак, по головушке – бряк!...

Ох, да справа – черный флаг, слева – Андреевский
флаг...

А клубничным умоюся, а брусничным – утрюсь:

Ох ты флажная, сермяжная, продажная Русь!...

Эк, тебя затоптал закордонный петух!

Песнопевец твой глух, и гусяр твой глух:

Че бренчите хмурь в переходах метро?...

Дай-козь мужнино мне, изможденно ребро —

Я обратно в него – супротив Писанья! – взойду:

Утомилася жить на крутом холоду!...

Лягу на пузо. Землю целую.

Землю целую и ем.

Так я люблю ее – напропалую.

Пальцами. Звездами. Всем.

Дай мне билетик!...

Дай мне талончик!...

Я погадаю на нем:

Жить нам без хлеба, без оболочек,

Грозным гореть огнем.

Рот мой сияет – ох, белозубо!

Жмрюсь и вижу: скелет

Рыбий, и водкою пахнут губы,
И в кобуре – пистолет...

Вот оно, зри – грядущее наше:
Выстрелы – в спину, грудь,
Площадь – полная крови чаша,
С коей нам пену сдуть.

...Эй-эй, пацан лохматенький, ты за штанину – цап!
В каких ты кинах видывал грудастых голых баб?!
Да, змеями, да, жалами, огнями заплетясь,
Из вас никто не щупывал нагой хребтиной – грязь!
Из вас никто не леживал в сугробном серебре,
Из вас никто не видывал, как пляшет на ребре,
На животе сияющем – поземка-сволота!...
А это я с возлюбленным – коломенска верста —
Лежу под пылкой вывеской харчевни для господ —
Эх, братья мои нищие! Потешим-ка народ!
Разденемся – увалимся – и вот оно, кино:
Куржак, мороз на Сретенье, мы красны как вино,
М голые, мы босые – гляди, народ, гляди,
Как плачу я, блаженная, у друга на груди,
Как сладко нам, юродивым, друг друга обнимать,
Как горько нам, юродивым, вас, мудрых, понимать...

Вижу Ночь. Лед.
Вижу: Конь Блед.
Вижу: грядет Народ —
Не Плоть, а Скелет.

Вижу: Смел Смог.
Вижу: Огнь Наг.
Вижу:
Человекобог —
Бурят, Грузин, Каряк.

Вижу: Радость – Дым...
Вижу: Ненависть – Дом!
Вижу: Счастье... Над Ним —
Огонь! И за Ним! И в Нем!

Вижу: Разрывы. Смерть.
Слышу: Рвется Нить!
Чую: нам не посметь
Это
Остановить.

Чучелко мое смоляное, любименький, жавороночек...
Площадь – срез хурмы под Солнцем! А я из выюги, ровно
из пеленочек —
На свет Божий прыг!... А Блаженный-то Васенька
Подарил мне – ревнуй, сопляк! – выюжные варежки:
Их напялила – вот ладошки-то и горячие,
А глаза от Солнца круто жмурю, ибо у меня слезы –
зрячий...

Воля вольная,
Расеюшка хлебосольная —

Черный грузовик во след шины
Пирожок казенный скинул —
Дай, дай полакомлюсь!...
Милость Божья
На бездорожьи...
Не обидь меня, не обидь:
Дай есть, дай пить,
А я тебя люблю и так —
Ни за грош ни за пятак —
Дай, дай поцелуйную копеечку...
Не продешеви...
Дай – от сердца деревянного... от железной любви...
Черный грузовик, езжай тише!
Пирожки твои вкусны...
Я меховая богатейка! Я все дерьмо на копеечку скупила!
Я все золотое счастье забыла,
Я широко крестила
Черное поле
Грядущей войны.

Дай, дай угрызть!...
Жизнь... ох, вкусно...

На. Возьми. Подавись. Мне в ней не корысть.

...Лоб мой чистый, дух мой сильный —
Я вас, люди, всех люблю.
Купол неба мощно-синий
Я вам, люди, подарю.

Вам дитя отдам в подарок.
Вам любимого отдам.
Пусть идет огонь пожара
Волком – по моим следам.

Заночую во сугробе.
Закручу любовь во рву!
В колыбели – и во гробе —
Я – войну – переживу.

И, космата, под вагоном
Продавая плоть свою,
Крикну мертвым миллионам:
Дураки! я вас люблю...

Вы себя поубивали...
Перегрызли... пережгли...
Как кричала – не слышали! —
Я – о бешеной любви!...

Но и в самой язве боли,
В передсмертнейшем хмелю,
Я хриплю: услышь мя... что ли...
Кто живой... тебя – люблю...

Дух белого офицера взирает на Россию нынешнюю

Земля моя! Встань предо мною во фронт.
Кинь тачки свои и тележки.
Ладони холеные враз не сотрут
Невольничьей острой усмешки.

Дай гляну в сведенное мразом лицо:
Морщинами – топи да копи
Да тьма рудников, где мерзлотным кольцом —
Посмертные свадьбы холопы.

Россия моя! Меня выстрел сразил,
Шатнулся мой конь подо мною,
И крест золотой меж ключиц засквозил
Степною звездой ледяною...

И я перед тем, как душе отлететь,
Увидел тебя, Голубица:
В лазури – церковей твоих нежную медь,
Березы в снегу, как Жар-птицы!

Увидел мою золотую жену,
Что пулями изрешетили,
Узрел – из поднебесья – чудо-страну,

Что мы так по-детски любили!

Узрел – домны, баржи и грузовики,
Цеха, трактора да литейки:
Народ мой, страдания твои велики,
Да сбросить вериги посмей-ка!

Тебя обло чудище в клещи взяло —
И давит суставы до хруста...
И дух отлетел мой. И Солнце взошло.
И было мне горько и пусто.

За веру, за Родину и за Царя
Лежал я в январской метели,
И кочетом рыжим горела заря
Над лесом, лиловее Гжели!

А я полетел над огромной землей —
Над Лондоном, Сеною, Фриско...
Но вышел мне срок! Захотел я домой!...
И вновь заискрились так близко

Увалы, отроги, поля во грязи...
Вот – вымерший хутор: два дома
Во яхонтах льдов – слез застылых Руси...
Вот – в церкви – пивнушка... О, Боже, спаси:
Знакомо все – и незнакомо!

Детишки молитвы не знают... и так

Отборным словцом щеголяют...

Гляди же, душа, мой исплаканный зрак,
На брата-ефрейтора, что, нищ и наг,
В миру с котомой костыляет!

На девок панельных. На хлестких купцов.
На жирных владык в лимузинах.
На черных чернобыльских вдов и вдовцов.
В ночлежный декор магазинов.

Не плачь, о душа моя, твердо гляди
На храм, что сожгли сельсоветы, —
Теперь над ним чистые стонут дожди,
В ночи – светляками – кометы...

Гляди – вот под ветрами трактор гниет...
Раскопы пурга обнимает...
Гляди, о душа, – твой великий народ
Без Бога живот свой умает!

Кто это содеял?! К ответу – кого?!...
Я всех назову поименно.
Я шашки и сабли рвану наголо —
За Ад наш трехсотмиллионный!

В толпе Вавилонской сплелись языки,
Ослабились древние крови —
Гляди же, душа, с межпланетной тоски,
Как дула здесь наизготове!

Ах, долго гремел репродуктор в пурге,
Трепались в ночи транспаранты —
Намаслен уж ствол, и винтовка – к ноге! —
Опричники, тля, оккупанты...

Так! Все, что здесь было, – великая ложь!
Но, Боже! Я верую в чудо
Твое! Я люблю тебя! Ты не умрешь,
Красавица, кляча, паскуда,

Век целый тащившая проклятый воз,
Блудница, царица, святая, —
И я, офицер, зревший кровь и навоз,
Скитавшийся между блистающих звезд,
Мальчонкой – к буранам седеющих кос,
К иссохлой груди припадаю.

Мальчик с собакой. Ночной рынок

– Тише, пес мой сеттер!...
Очень сильный ветер...
Нос твой – ветер жадно пьет,
Хвост твой – ветер бьет и бьет...
Собака моя, собака —
Рыжий Огонь из мрака...
Я – Мрак тобой подожду!...
...Не смогу.

Темные флаги на землю легли,
Плоть городскую укрыли.
А в снеговой ювелирной пыли
Рынка врата – будто крылья.

Ночью смыкаются эти крыла.
Крытые спят павильоны.
Днем тут держава войною прошла —
Грубых сапог батальоны.

Следом от шины впечатался Путь
Млечный – в поднебесья деготь...
Рынок! Тебе зацепился за грудь
Птичий обломанный коготь —

Вот он, малявка, пацан, воробей, —

Смерть надоели подвалы,
Где среди взрослых и грозных людей
Шкетья судьба ночевала!

Шел он да шел, без суда, без следа,
Сеттер к нему приблудился...
Рынок! Пристанище ты хоть куда,
Коль ты щенятам сгодился!

Сбить на морозе амбарный замок —
Плевое дело, игрушка!...
Пахнет свиной застылый чертог,
Медом, лимоном, петрушкой...

Запахов много – все не перечесть!...
Ящик – чем хуже перины?!...
Сеттер, огонь мой, – скулишь, клянчишь есть,
Носом толкаешь корзину...

Все здесь подъели, в прогнившей стране.
Все подмели подчистую.
Всю потопили – в дешевом вине —
Голода силу святую.

Гладит малец одичалого пса.
Тесно прижмутся друг к другу
В ящике из-под хурмы... Небеса,
Сыпьте арахисом – вьюгу!

Сыпьте им яркою радугой – снег,
Сахар капусты – с возов и телег,
Кровь помидоров – из бака!...
Медом стекает по скулам ночлег...
В ящике, маленький, спи, человек,
Спи, заревая собака.

Девочка с мандарином.

Вечерний рынок

Это крайняя – я – за лимоном стояла!...

Вот глаза ледяные – синее Байкала,
Косы из-под платка, что рыбацьи канаты,
И все швы на дерюге пальтишка разъяты;
Кочерыжка, горбушка, птенец, восьмилетка, —
Поднабита людьми рынка ржавая клетка,
Все со службы – час пик! – каблуки не источишь,
А туда же! – стоишь: мандаринчика хочешь...
И распахнуты синие очи иконно
На купюры, на смерч голубей заоконных,
На торговку золотой мандаринной горою,
На лица ее булку,
на море людское!
В кулачонке вспотевшем зажаты копейки...
Ты, проталина вешняя, дудка-жалейка,
Заплати – и возьми! Тонкокорый, громадный
Охряной мандарин – и сожми его жадно,
Так зажми в кулаке, чтобы кровь стала капать,
Чтобы смог сладкий плод на морозе заплакать —
По тебе, истопницына дочь, замухрышка,
Сталеварного града сухая коврижка.

Торговка шкурами на иркутском рынке Люба

А вот лисы, а вот лисы, а вот зайцы-волки!...
Мездру мороз прошивает кованой иглой,
Меха иней зацелует сизыми губами, —
Не горжетка то – ослеп ты: пламя это, пламя!...
Звери рыскали по лесу. Дитяток рожали.
Целясь, очи потемнели! Локти задрожали!...
...А теперь зверье – гляди-ко! – рухлядь, красотища!...
Закупи – и вспыхнешь павой, а не мышью нищей,
Шею закрути лебяжьей лисьими хвостами —
Пусть мужик твой, жмот и заяц, затрясет перстами,
Затрусит на снег монеты из мошны советской:
Вот он мех колымский, кольский, обский, соловецкий,
Вот – куничий да соболий, искристый, богатый,
На руках торговли Любы во пурге распятый, —
Рвите, рвите, налетайте, по дешевке сбуду
Выпивохам да пройдохам, черни, сброду, люду,
А не наглым иноземцам с масляным карманом,
А родной толпе дремучей, хвойной, дымной, рваной.

Песня

Ох, Расея моя, Расея.
Головою – о край стола...
Каменья, горя, леденя,
О, куда б от тебя ушла?!

Горевая твоя простуда
И чахоткин, с подхрипом, рык...
Средь зверья твоего и люда
Расплескался мой жалкий крик.

Задери головушку: страшно!...
Коли страшно – к земле пригнись...
Вот они, кремлевские башни, —
Им, кровавым, да поклонись.

Ты из вервия мне свивала
Сети, петли, мешки, хлысты...
Ты поземками целовала
По-над грудью моей – кресты!

Но я землю рвала ногтями!
Ела пададь твоих полей!
Снег твой мечется меж горстями
Сирым клекотом журавлей!

И, на нежном пригорке стоя
По-над Волгою в синем дыму,
Я молюсь – твоей красотою —
За вкусивших твою тюрьму!

За тебя проклявших, бежавших
Во заморских быков стада,
За любимых, друг друга сжавших
Пред прощанием – навсегда, —

Как в горсти – да твою землю...
Я люблю тебя, я люблю:
Мне любовь та, Расеюшка, снится,
Но плюю, хриплю – во хмелю

Ненавидящем,
пламя сея
Воплем, дланью, нутром, очьми:
Ох, Расея моя, Расея,
Заполярной совой кося,
Всей кандалною Гипербореей —
Всю свободу мою возьми.

Адам и Ева

Звезды дули в пазы и во щели.
Звезды жестко крестили окно.
Смертный одр не страшной колыбели,
Но царями любовной постели
Стать не всем в дольном мире дано.

И в династии сей ты двадцатый
Или первый – не ведать о том!
Вот на лбу – поцелуйная цата,
Вот лобзание – нательным крестом...

Тело вспыхнет вулканами, лавой.
Сладко выгнется плод – ешь и пей!
Над кроватью дешевою, ржавой —
Веер простоволосых лучей!

Допотопная, дикая сила,
Ласка, будто лисенка... – до слез... —
Та коса, что века нас косила
Вплоть до лунных старушечьих кос, —

Это чрево ли Евы пылает,
Это дух ли Адама горит —
Это Марс над постелью рыдает
И Венера объятие длит!

Вширь – по стеклам – хвощи ледяные...
Митинговый – на улице – гул...
И ругательства хана Батыя
Из-за двери, что бомж распахнул...

И, распяты, раскинувши длани,
Разметав медногорлую плоть,
Понимают: любви окаянной
Нет в земле, кою проклял Господь.

Омулевая рыбачка Зинаида

Я приду к тебе. Руки твои красны.
Веки от култука и слез тяжелы.
Мне всю жизнь приходили дикие сны
Из таежной мги, ледовитой мглы:
Круглобокой кадушкой кренится карбас.
На Полярной звезде стрекоза висит!
И Луны слепой великаний глаз
Прямо в бабье сердце мое косит.

Тянем сети мы. Ты – смугла, стара.
На руках моих сильных – жил синих сеть.
Тянем омуля мы – всю ночь, до утра:
Тяжело: впору лечь и враз помереть.

Как играют мощные рыбы тела —
Древней яростью,
Тусклым серебром купцов,
Не хотят под нож – а наша взяла,
А култук первобытный свистит, свинцов!

Зинаида! Вот омуля засолим!...
...Руки мерзлые жадно вцепились в сеть.
Наш карбас молитвой Зины храним.
Не потонем. Будем жить и стареть.

Я – в объятьях дрожать, огольцов рожать,
Да всей кожей чують: Конец грядет!...
Ты – в руках заскорузлых свечу держать
Над серебряной рыбой
Во хлябях вод.

Витрина

...Целуй же лопатками серый тот дом!...
Втирайся, вжимайся шубенкой!...
Эх, тот магазин был задуман на слом —
Сельмаг, мышеловка, избенка, —
А этот!...
Гигантской витрины хрусталь,
А за хрусталем – мешанина:
Парча из Японии, козия шаль,
Дворцом – ветчина, солонина...
Все втридорога! Вот заколка и брошь,
Вот камни повисли на нитке —
О, ты без того ожерелья умрешь,
Последние скинешь пожитки —
А купишь!... Глядит манекенша одна,
Как под автоматом ведома...
О, звери!... Не троньте – то мать и жена...
А рядом – соцветье Содома:
Игрушки – бедняцкие пупсы; духи,
От коих и ноздри танцуют,
И печень!... – и Книги Святые – стихи, —
Как шмотками, ими фарцуют...
Усыпана золотом пчелок парча:
О, фон галактический, темный...
А дале в Витрине – киот и свеча,
А дале – лишь ветер бездомный...

Гляди же! На выбор! Бери! Покупай!
Страна тебе все предложила —
Икорный, коньячный, севрюжный ли рай,
Стиральное черное мыло...
И за хрусталем, за стеклом — города
В алмазной пыли радиаций,
Искристые шубы, плохая еда,
С которой больным — не подняться, —
Вещей дорогих уцененный обвал
Грохочет в пустую корзину!
Ты здесь покупал? Продавал? Предавал?...
Гляди ж на родную Витрину
Теперь из такой запредельной дали,
Где души считают на франки, —
На эти сараи, собак, корабли
Во льдах, с пирогами гулянки,
На шлюшек с густым турмалином скулы,
На мрачное войско завода,
На церковь, где крестит мальчонку
из мглы
Рука золотого народа.

Звезда полынь. Ночь

Распахнулись, раздвинулись, зашевелились
Дымной ночи – из перьев вороньих – крыла...
Как давно мы не плакали. И не молились.
А молились – молитва до звезд дошла.

Горький город заснул. Украшений янтарных —
Фонарей – он не сбросил. В окно я гляжу,
Как в бездонную бочку. Созвездий полярных
Голубой, золотой сок течет по ножу.

Во носках шерстяных, во халате, что стеган,
Грея руку щекой, зрю в кухонном окне
Ту Звезду, что космата, как Людвиг Бетховен,
Ту Звезду, от которой погибельно мне.

От нее не лучи, а полынные ветки
Брызжут уксусом, ржавчиной, солью, песком —
И двоятся, троятся, собираются в клетки
И в снопы, и во снежный сбиваются ком —

И багрянцем безумствуют протуберанцы!
И молюсь я о сгибших в разливах кровей —
О, корейцы ли, немцы ли, азербайджанцы —
Нет под горькой Звездой планеты мертвей!

А полынные ветки растут, обнимая
Деготь неба ночного! Котельных дымы!
И одна – бьет в окно мне!...
И я понимаю —
Что отречься у нас от суммы, от тюрьмы —

Невозможно...

Видение праздника. Старая Россия

От звонниц летит лебедями да сойками
Малиновый звон – во истоптанный снег!...
Девчонкой скуластой, молодушкой бойкою
Гляжу я в зенит из-под сурьмленных век...

Небесный прибой синевой океанскою
Бьет в белые пристани бычьих церквей!
Зима, ты купчиха моя великанская,
Вишневки в граненую стопку налей!

Уж Сретенье минуло – льды его хрустнули! —
Святого Василья отпели ветра —
Румяная, масляная и капустная,
И зубы-орехи со сладью ядра —

В платке снеговойном, по коему розами —
Малина и мед, раки, окорока,
И свечи в приделах – багряными грозами,
Белуги, севрюги – кистями платка! —

В брусничном атласе, с лимонными бусами,
В браслетах и килечных, и сельдяных,
С торосами семги, с варенья турусами,
С цукатами тяжких серег золотых,

Со бронзой копчушек каспийских, поморских ли,
С застылыми слитками сливок густых,
С рассольными бочками, словно бы мордами
Веселых до глупости псов молодых, —

С гудками и крыльями райских раешников,
С аджикой плотницкого матерка,
С торчащими черными гривами – елками
Над холкой февральского Горбунка, —

Красавица! Радость моя незабвенная!...
Соболюшка!... Черные звезды очей!...
В атласах сугробов святая Вселенная!...
Твой рыжий торговец, седой казначей,

Твой князь – из Юсуповых либо Нарышкиных,
Идущий вдоль рынка под ручку с княжной,
Монахиня, что из-под траура – пышкой,
В надменных усах офицер ледяной,

Два Саввы твоих – и Морозов и Мамонтов —
С корзинами, где жемчуга да икра —
Палитрою гения!... – бархата мало вам?... —
Вот – прямо в лицо!... – осетров веера,

Глазастый бескостный изюм Елисеева,
Бурмистрова радуга звездной парчи,
Хвостами налимов – Сияние Севера!...
И – что там еще?... —

О, молчи же, молчи,

Рыдай, припаявши ладонь узловатую
К забывшим кипение сбитня губам, —
Родная моя!... Это Время проклятое.
Но Праздник я твой никому не отдам —

Прижму его крепко ко впалой, чахоточной
Груди, зацелую в уста и щеку! —
Пока не явился жандарм околоточный.
Пока не приставили дуло к виску.

Видение рая

Уйди. Не стой со склянкой надо мной.
Я вижу, вижу драгоценный Рай земной —
В берилле неба – яблоки церквей!...
Летит в сугробы манна голубей!...
Павлина гладит стриженный Малец,
У Матери персты – в огнях колец,
Полынным сеном пахнет жаркий хлеб,
И лижет ноги ей смиренный лев!...
Все пять хлебов уж муравьи едят...
Прекраснейшие женщины летят.
В зенита бирюзу, и груди их
Пылают сладью яблок наливных,
И на серебряных тарелках площадей —
Хурма, гранаты, – денег не жалеи,
А денег нет!... Сожгли!... И даль светла,
И светят обнаженные тела
Кострами, и бенгальскими свечью,
Лампадами, – о, счастье быть людьми...
Уйди!... Я Рай впиваю наяву:
Озер сапфиры, детски нежную траву
И охристую ржавчину лесов
Осенних, и рубины туесов, —
Там дикая малина холодна,
Там ягодное счастье вина...
А солнца тел над лесом на закат

Превыше журавлей, крича, летят,
И затаил Малец дыхание: ох,
Гляди, павлин, – то золотой сполох!...

Там муж жену целует сотни лет —
Уста, запястья, в жемчугах браслет,
Снега ланит растают под рукой,
Живот застынет льдяною рекой,
Но дождь во чрево брызнет золотой
Подземной, поднебесной красотой!...
Так вот какая ты, любовь в Раю —
Тебя в лицо я, плача, узнаю...

А звезды там ручные!... В зимний круг
Собьются – и берут огонь из рук:
Клешнястый Рак и бешеный Телец,
Баран – царь среди звездочек-овец,
Две Рыбы – Трилобит и Целакант,
И Скорпион – хвостатый музыкант,
И пылкий Лев, и льдистый Козерог —
Огонь едят и пьют!... Огонь у ног,
Огонь в руках моих, – я их пасу,
Зверей родных, – во огненном лесу,
И я стою, охвачена кольцом
Огня! Лоб стянут огненным венцом!...
И горным хрусталем улыбки – рот:
Там человечья плоть в огне поет,
Там человечья плоть поет в земле!...
Там папоротник светит на стекле —

В мороз – цветком купальской радуги!...

Уйди.

Я Рай люблю. Я сплю с ним на груди.

Не суй во пересохшие уста

Мне снадобий, где соль и кислота.

Не хлопочи – с намоченным тряпьем

К виску. Мы все когда-нибудь умрем.

Я не хочу в подвальную юдоль.

В битье посуды. В водочную боль.

В больницы, где на лестницах лежат.

В плакатный красный яд и детский мат.

Уйди. Ступай обратно в черный Ад.

А я – в Раю. Мне нет пути назад.

Уличная ель. Новогодье

Черная, огрузлая, седая,
Побрякушками, лампадками увешана,
Как цыганка старая, гадает
Старикам насупленным, среброзубым женщинам:

– Дети ваши будут нюхать сладости,
Грызть рожки медовые!...
Будут жить они в любви и радости,
Позабыв столетие бредовое...

Машет ель руками черными.
На мулаточке игрушки – сладкими клубниками.
А ветра по площади просторные
Машут флагами над сморщенными ликами.

Машут флагами – еще багряными!
Отрывают жуть со крыш серебряных!...
А пойдут из магазина пьяные —
Выдохнут: «А ель-то... как царевна...»

И заплачут пьяные, и выпьют из-за пазухи,
И засунут снова под тулуп питье горячее:
Их сынки – в земле сырой. Им – праздник памяти!
Очи радугую слез горят, незрячие...

Ах ты, ель, ты черная, дородная.

Не маши ты им стеклярусом-подвесками.

Впереди еще – беда народная.

Впереди еще – жальба голодная.

Дай натянуть нам наряды новомодные,

Прицепить ко шляпам слезы новогодние,

Дай помыслить нам, что мы – клейменные! – свободные,

Дай полакомиться

Петушками детскими.

Видение жены, стоящей за куском хлеба

Ну что же. По-галочьи тут постою.
На паперти раньше – вот так...
Не сдобой-халвою я тешу семью,
А тем, что – за рупь и пятак...

Детишки!... Я их – на амбарный замок
От лютых гостей заперла...
А тут – душит горло горжеткою – смог,
Витринные лгут зеркала.

Когда завинтишься Галактикой, ты,
Спиральная очередь?... Эй,
Взамен моей выпитой вмиг красоты,
Торговец, клади, не жалея —

На ржавую руку орловских весов —
Гранитные сколы капуст,
Моркву, что промаялась до холодов
В подвале, что – Космосом – пуст!...

Закрывает глаза в очередной тюрьме...
Качаюсь – то ль танец... то ль сон...
И брежу: гудит, налетает во тьме

Малиновый, сливочный звон...

Гудошники в медные дудки дудят...

И паюсный хлеб – на возах...

Чувашки в сапфирных сережках глядят,

И в лезвийных – бесы! – глазах...

Колеса медовые снежный атлас

Прикрыл... И разрезами семг

Над церковью – радуга!... Ягодный глаз:

Слеза виноградины – сок...

И лапти – что кружево!... И Хохлома —

Янтарь по сапожной смоле...

И воск буженины!... Схожу я с ума...

И брови детей – в серебре...

И девушки – шейки их в рюшках-шарфах,

Шапчонки куничьи долой! —

Толпятся у короба: амброй пропах,

И мускусом, и резедой!...

Флакончик духов кто в кулак мне сует?...

О, запах – Египет... Марсель?...

Но брежу, но вижу – толпится народ

Поодаль, где грозная ель!...

Ну, здравствуй, Царица в висячих серьгах,

В смарагдовых бусах до пят!...

Ты держишь златых соловьев на руках
И снежных пушистых котят!

А пряники – ниже, а тут – мотовство:
Алмазов ли, стразов не счесть!...
То входит копьем под ребро – Рождество...
То – было... То – вьяве?... То – есть!

И вдруг все усталились в море небес,
Сверкающих синюю святой:
Раздвинув руками заоблачный лес,
Шел Ангел.
Зажглись под пятой

Морозные крыши! Лимоны дымов!
Багрянец одежд Его жег
И Север с раскольничьим духом псалмов,
И. С бубном, раскосый Восток!

Шел алый тот Ангел.
Держал узкий меч.
Держал его вниз острием.
Горели власы наподобие свеч,
И синий горел окоем.

И я увидала: за Ним, за спиной
Его, где летели крыла, —
Огнем занялся зимний мир ледяной,
Земля, где отвеку жила!

А красный тот Ангел все шел и молчал!
Глаза Его были страшны,
Огромны... Он ими юдоль примечал
От голубя и до Луны.

Весь мир застывал во багряных зрачках,
А Он все глядел и глядел —
На иней, что солью искрил на крестах,
На Божий последний удел!

Я, щеки зажавши, следила пожар!
Мир красен! Но Ангел – красней!...
Зачем Ты в ладонях сей меч удержал?...
Не поднял – в безумье огней?!

Ну что Ты стоишь?!
Ну – скорее казни
Наш праздник в венце литургий!
Взмахни! Отсеки все цветные огни
Январских ночных панагий!

И головы храмам златые сруби!
И людям сердца поизрежь!
О, даруй нам смерть!
А потом – возлюби.
А после – закрой эту брешь.

И я на колена упала пред Ним,

Пред кровью Его и огнем!...

...

...А люди запели:

— Давненько стоим...

Уж ночь, — а встали-то днем...

И я разлепила глаза в забытьи.

И я поняла, кто таков

Наш век окаянный, и братья мои,

И голод — во веки веков.

И, в смоге, перед иконостасом реклам,

Молитвою — ценник шепча,

Я так зарыдала

По красным крылам,

Взмывающим

Из-за плеча.

Тьма египетская

Вселенский холод. Минус сорок.
Скелеты мерзлых батарей.
Глаз волчий лампы: лютый ворог
Глядел бы пристальней, острей.

Воды давно горячей нету.
И валенки – что утюги.
Ну что, Великая Планета?
На сто парсек вокруг – ни зги.

Горит окно-иллюминатор
Огнем морозных хризантем.
И род на род, и брат на брата
Восстал. Грядущего не вем.

Как бы в землянке, стынут руки.
Затишье. Запросто – с ума
Сойти. Ни шороха. Ни звука.
Одна Египетская Тьма.

И шерстяное одеянье.
И ватник, ношенный отцом.
Чай. Хлеб. Такое замиранье
Бывает только пред Концом.

И прежде чем столбы восстанут,
Огонь раззявит в небе пасть —
Мои уста не перестанут
Молиться, плакать, петь и клясть.

И, комендантский час наруша,
Обочь казарм, обочь тюрьмы
Я выпущу живую душу
Из вырытой могильной тьмы!

По звездам я пойду, босая!
Раздвинет мрак нагая грудь!

... Мороз. И ватник не спасает.
Хоть чайник – под ноги толкнуть.

Согреются ступни и щеки.
Ожжет ключицу кипятком.
Придите, явленные Сроки,
Мессии, судьи и пророки,
В голодный нищий закуток.

И напою грузинским чаем,
И, чтобы не сойти с ума,
Зажгу дешевыми свечами,
Рабочих рук своих лучами
Тебя, Египетская Тьма.

Давид и Саул

В метели, за сараями, в ночи,
Где вой собачий Сириусу любый,
Пылали руки – две больших шальных свечи,
Звенела арфа и металась губы.

Сидели на дровах: один – мужик,
Под шубой плечи в бархате пунцовом.
Другой, пацан, щекою к арфе так приник,
Как к телу жаркому скорбящим лбом свинцовым...

На голове у грозного тюрбан
Увенчивался золотой короной.
И, сторбившись над арфой, опаленной
Огнями пальцев, пел и пел пацан.

Он пел, и реки глаз его текли.
Собаки в подворотне подвывали.
Он пел – ручьи весною вдоль земли
Его мелодиями небо целовали.

Он пел и пел,
в снег его хлестал,
А грозный царь его, насупясь, слушал,
И арфа наподобие креста
Распяла плоть, бичуя счастьем душу.

Он пел о том, что все мы вновь умрем,
О свадебном наряде, что срывает ветер,
О том, как перед звездным алтарем
Стоят, смеясь, замученные дети!

О том, как нежно гладят старики
Сухие корни светлых рук друг другу,
Как любящие – Времени тиски —
Зажмут меж наготы каленой – выюгу...

Он пел – и больше было не понять,
О чем! Он пел, и арфа содрогалась!
И шли ветра и шли – за ратью рать:
Кадыка нежность, губ отверстых жалость!

А царь, лоб уронив на кулаки,
Сдуваемый метелью с дровяного трона,
Шептал: «Играй, пастух!... Моей тоски
Никто не понял в полночи бездонной,

Лишь ты на бычьих жилах все царю сыграл,
Все спел – мои посты, и праздники, и войны:
О, ты играл – а я-то – умирал,
А я-то – думал, что умру спокойно!...

Мой мальчик, о, спасибо же тебе,
Утешил мя!... И многольстивой речи,
И зелья крепкого не надобно в судьбе —

Метались бы над арфой руки-свечи...

Спасибо, сын мой!... Буду твой отец!...»
Схватил и сжал до боли руку пастушонка,
И наклонился над ладонью, и венец,
Упав с тюбана, покатился звонко.

И в круговерти вьюги жадно царь приник
К руке ребенка – на одно мгновенье:
Хотел одним глотком все выпить песнопенье,
Хотел найти губами, где родник.

Царица Астис прощается с царем Артаксерксом

...И вырвалась она из рук
Владыки Трех Миров Подлунных.
И свист метелей многострунных,
И поездов, и рельс чугунных
Закрыв огромный сердца стук.
Она стояла на свету.
И факелы в руках охраны —
Немых юнцов и старцев пьяных,
Наемников, чьи кровью раны
Сочились в перевязях рваных,
Ее ласкали красоту.
По коже сполохи ходили.
Гранатов связка меж ключиц
Сидела стайкой зимних птиц...
Браслеты-змеи ей обвили
Запястья. Ясписом горели
У змей глаза!...
В ее ушах,
Близ перламутра нежной шеи,
Пылал огонь Гипербореи —
Топаза льдяная душа.
И кабошоны лазурита
Лежали меж грудей открытых —

Дыханьем поднимала их
Царица! Стыли турмалины
На лбу, а на висках – рубины,
Напоминая: эта бровь
Воздымется – прольется кровь!...
Глаза – соленые глубины —
Дышали морем. Их прибой
Туда, в пучину, за собой
Смывал сердца... Коса сверкала:
В червонном золоте – опалы,
И запах сена от кудрей,
И запах горя все острее...
И близ распахнутых дверей
Она, дрожа сильнее зверей,
В уста
царя поцеловала.

Он за руку ее схватил
Смертельной хваткою, питоньей.
– Скажи, тебя я оскорбил?!...
Тебя любил – что было сил,
Сжимал твое лицо в ладонях!...
Тебе – телеги и возы
Каспийских балыков, урюка,
Бериллы, что светлей слезы,
Меха, лошажия подпруга,
Вся в бирюзе!... Тебе – парча,
С закатом сходная, с восходом,
Кораллы, пахнувшие йодом,

И, для осенней непогоды, —
В березовый обхват свеча!...
Тебе принес свои дары,
Слепую страсть, мужское пламя,
И пальцы унижал перстнями,
И обнимал ночами, днями,
Годами напролет, веками...
Зачем, осыпана огнями,
Меня любила — до поры?!
Куда идешь? Там черный ветер
Вмиг путника повалит с ног.
Там зимний небосвод жесток.
Там Альтаир, слепящ и светел,
Струит морозный дикий ток.
Так все погибло. Избы стынут.
Покрылись сажей города.
Хрустит оконная слюда.
Там Огнецвет из сердца вынут.
Там — ничего. Там — никогда.
Огонь и Ветер. Звезда. Вьюга.
Я понял... Звездам ты сродни...
Зачем узнали мы друг друга?!...
Остановись! Повремени!...

И так Царица отвечала,
И на груди блестел гранат
Кровавой вязью:

— Я познала,

Что в мире нет пути назад.
Тебя любила и ласкала —
Как две зверюшки, бились мы
До слез, до смеха, до оскала —
Так страсть кинжальная сверкала
На голубых шелках зимы!
Ты, царь... мне был всего дороже.
Мой Бог. Мой Муж. Мой Человек.
Твоей любимой смуглой кожи
Жар — на моих губах... навек...
С тобой мы жили не тужили!
Но с Севера летят ветра.
Печать на сердце положили.
И я почувяла: пора.
Царь! Я другого полюбила.
Но, сожигая все мосты,
Зрю: далеко еще могила,
Полна звериной дикой силы,
В победном блеске красоты,
Я говорю: утешься, милый,
Не плачь! Он — это снова ты!

Ты! Ты! Кого б ни обнимала
В вертепах, избах и дворцах,
Кого бы телом ни сжигала,
Кому б душою ни дышала
В Луну полночного лица, —
Все ты, мой Царь! Твоя навеки
Пребудет надо мною власть.

Сомкну ли старческие веки —
Вновь мы с тобою — человеки —
Справляем праздник: свет и страсть...
Люблю! Но ухожу! По соли
Дороги зимней — под пятой,
По нашей лученосной боли,
По нашей ярости святой...
Прощай! Заветные камни
Твои — веки не сниму:
Топах пылает в исступленье,
Рубина кровь течет во тьму...
Прорежут медный лик морщины.
Избороздится гладь чела.
Сочту: то камни — иль мужчины,
С какими в мире сем была?...
Забуду всех! Перебирая
Объятий каторжную сласть,
Узрю: с тобой — преддверье Рая,
С тобой — к бессмертию припасть!...
О Царь!... Иные жгут приделы.
Иные фрески в них... и тьма...
Но я, тебя бессмертным сделав,
Бессмертье обрела сама.
И я уже — звезда, монада.
Мне душно во дворце твоём.
Мне нужен Мир. Его преграды.
Его рогожи и наряды.
Его сапфирный оком.
Его любовь...

Прощай, любимый!
Соболю шубу мне накинь.
И я уйду – вперед и мимо —
В полночную тугую стынь.
Ветр иссечет лицо нагое.
Ступни изранит жесткий наст.
Уже не стану я другою.
Уже в церквах поют про нас.
Уже ветра поют вокруг
Под звон метелей многострунных...

И вырвалась она из рук
Владыки Трех Миров Подлунных.

Видение жены на космической станции

*«И ни ангелы неба, ни духи пучин
Разлучить никогда б не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли!...»
(Эдгар Аллан По)*

Я одна в саркофаге немом между звезд —
Соглядатайка ярких миров.
Распустила комета Жар-Птичий свой хвост
Над ларцом лучезарных даров.

Все приборы блестят под моею рукой
Жадной сотней мигающих глаз.
Я одна – меж созвездий – с моею тоской,
Настигающей здесь и сейчас.

Там, в бездонных колодцах, Земля просверкнет
Слезной каплей на черной щеке...
Здесь – замедлило Время свой яростный ход
И дрожит в моей нежной руке.

Заложу я в машину листки... И опять
Выйдет шипом змеиным ответ:

Нет горячего. Век тебе здесь вековать.
Ты одна. И спасения нет.

На экранах обзора – во всю широту —
Как распахнутые крыла —
Кажет Космос нагую свою красоту,
Что алмазом под сердце вошла!

Вот Гиады жемчужною гроздью висят
Над звездой – Красным Глазом Тельца...
Вот Арктура лучи водопадом летят
Во пучину без дна и конца!

Рядом – мрачный Плутон: светит выгнутый бок
Ослепительным синим серпом...
Добирается холод Вселенной до ног,
До лица во рыданье слепом...

Я одна! Космос, я пред тобою одна.
Обнаженнее нету меня.
Я дитя твое, мать твоя и жена,
Ветвь, сполох мирового огня!

Сколько лет мне отпущено, черный Простор?...
Колесница летит надо мной...
Выпускай же в меня, через жаркий костер,
Стрелы звездные – все до одной!

Я вцепляюсь – в рычаг...

я вперяюсь – вперед,
В солнцеликую бездну огней...
И подъялись власы: что там за хоровод...
Лики, что лун Сатурна бледней?!...

То видение... брежу!... то Космос навлек,
Охватил мне короною лоб...
Закачался мой утлый небесный челнок,
Мой при жизни запаянный гроб!

И увидела я: все летели ко мне,
Все, любила кого на Земле —
Иван Грозный в опричном сполошном огне,
Тинторетто во фресковой мгле!

И седой лев Бетховен, глухой – синева
Его глаз все нутро потрясла! —
И раскосый монах – его звоны-слова
Канченджанга в снега вобрала... —

Тот поморский рыбак, что меня взял в полон,
Как севрюгу в путине схватил, —
С бородой благовонною царь Соломон,
Что кольцо «ВСЕ ПРОХОДИТ» носил,

И слепой от рожденья звонарь Калистрат —
С ним мы на колокольню взошли,
И он плакал, шепча: «Твои очи горят,
Как Стожары над краем земли!...» —

Первобытный охотник – он тушу вола
Мне, кровавую, бросил, смеясь, —
И юродивый Ванька – за ним я ушла
По суглинку осеннему, в грязь...

И старик-летописец, что праздник любви,
Как по Четьям-Минеям, справлял,
И, целуя рабочие руки мои,
Их на досках – лучами писал...

Сколько было их?... – Не перечислю вовек:
Лики светят, и звезды горят,
Каждый раб – человек,
Каждый царь – человек,
И возлюбленный мною – стократ!

О, идите ко мне!... Не покиньте меня!...
Я любила вас – кожей, нутром,
Плотью сердца, полетом такого огня —
Пред кончиной не вспомнят добром!

Я вас всех заберу в ледяную ладью.
Вы со мной поплывете туда,
Где собираются души в большую семью,
Где горит Голубая Звезда...

Только чей это лик возникает из тьмы —
Лик безносый, немой, костяной...

Уходи. Я дала тебе Космос взаимы.
Дай побыть мне живою женой.

Я люблю моих милых. Гляди – все пришли,
Притулились, приникли ко мне!...
Напоследок уста горемычной Земли
Я целую в крошечном огне!

О, любимый мой!... Свет и года, и века
Совершает стремительный путь.
О, возлюблен будь!... Радость моя велика:
И по смерти меня не забудь...

Ты пришел ко мне – в лицах во многих един —
В заточенье межзвездной тюрьмы —
Ты холоп мой и царь,
Ты отец мой и сын,
Ибо живы друг другом лишь мы!

И, безумная баба, в эфире ночном,
Простирая ко звездам ладонь,
Поняла: бытие снилось девичьим сном,
А теперь– настоящий огонь!

Настоящая Жизнь.
Неподдельная Смерть.
И Любовь, что уже ни о чем
Не рыдает. И звезд золотых круговерть.
И чужая Звезда за плечом.

О, чужая Звезда,
Голубая Звезда!...
Не видна ты с родимой Земли...
Ты дрожишь... Ты по-женски светла и горда...
Как зовут тебя?... Аннабель-Ли?...

И ни ангелы неба, ни духи пучин
Никогда уже не разлучат
Души любящих женщин, летящих мужчин —
Пусть в безмерном полете одна ты, один,
Пусть никто не вернется назад.

Фавор

Воздымалась гора над Волгой горбом медведя мохнатого.
Гроза клубилась. Молния из чрева, мглой объятого,
Ударяла во реки блюдо серебряное.

Звезды закручивались в зените браслетами тяжелыми,
древними...

Ночь пахла ягодой безумной, первым золотом
В листе дубов, первым – от звезд идущим – холодом,
Молоком из крынки, из погреба вынутой,
Соленой слезою души скитальческой, всеми
покинутой...

Я стояла на горе, в рубахе, голорукая, босая,
Под ветром, рыбой пахнущим, худая, простоволосая,
По любви – страждущая, без любви – одинокая,
Обочь любви плещущая Волга глубокая...

И молилась я так, руки лодчонкой смоленной складывая:
«Господи! Твой шаг в грозových лучах угадываю —
Пошли мне любовь, Господи, не израненную-избитую,
А счастливую, красивую, давно мною позабытую...

Чтобы я любимого ласкала-лелеяла-холила,
Чтобы я ему в мире подлунном пропасть-загинуть не
позволила —

В братоубийствах, в речах из глоток кровавых на
площадах завьюженных,

На земле нашей загубленной, выжженной, выпитой,
отравленной, остуженной...

Дай, дай мне, Господи!... И меня-то любовь злая до
капли выпила.

Дай – счастливую!... чтоб я из груди ей в дар
теплое сердце вынула!...»

И внезапно тучи заходили черными полотнищами.

И проклюнулся огонь из туч серными сполохами.

И в дегте неба надо мною воссияли три фигуры
слепащие.

Одежды их радужные развевались, по ветру летящие.

Моисей слева – розовый лебедь!

Илия справа – синие крыла хитона распахнуты...

А посередине Господь – руки Его пылающие на всю
полночную твердь

размахнуты,

Огненные власы Его поджигают радостными свечьми
Вселенную,

Звездные очи молча кричат: Земля, будь
благословенною...

Я упала на землю грязную, приникла к ней худым
распятием,

Шептала: «Господи, только не посылай мне Твое
проклятие —

Ведь я Тебе служила верою и правдою,

Жертвуя нищим Твоим хлебом, сном и иною отрадою!

...»

И рек Господь с небес:

«Не плачь, моя доченька.

Грозовая, страшная нынче выдалась ноченька.
Одесную меня стоит Илия в ризе индиговой,
Ошую – Моисей в хитоне заревом, багряном,
архистратиговом,
А мои одежды белы как снег, как августовские звезды
лучистые:
Целуй их, доченька моя, ангелица, голубица чистая!...
Много грешила – все грехи с тебя снимаются.
Над твоею головушкой – зри!... – Марс с Венерою
обнимаются,
И тебе дам любовь твою единственную последнюю,
облегчу тебе твое изнеможение,
Ибо ты увидела нынче в небе черного августа
Христово Преображение!...»

И протянула я руки к яркому свету: Отче!... Вот милость
Божия!...
А лучи радужные скользили по грязи, целовали наше
бездорожие,
Целовали наши овраги, буераки, бурьяны, буреломы,
протоки, излучины,
Сиротку-пристань внизу под горой, ржавые лодочные
уключины,
И в свете небесном – Господи!... молясь, шатаясь свечою
пьяною,
Я увидела ее... ее, любовь мою окаянную...
Его... худого как жердь-слега... патлатого мальчишку...
богомаза, деревенского художника...
Что привязала к одиночеству своему вместо

подорожника...

Думала – подлечу... а рана разъелась рваная...

Ох, Господи... Благодарю Тебя!...

...за любовь окаянную,

За любовь воздыханную, за портрет ее сияющий,

Что намалевал звездами по черной холстине
возлюбленный,

по мне рыдающий,

За любовь великую, идущую маленькой нищенкой
меж людьми жестокосердными,

За любовь, сотворяющую нас однажды в ночи –
бессмертными,

За гору Фавор над черною Волгой, за молитвы светлое
напряжение,

За летящие в небесах самоцветные крылья Господня
Преображения!...

И у ног Христа в небе я узрела мальчишку тощего,
рваного,

Что сидел, скрючившись, близ мольберта старого,
деревянного,

Он сидел у холста, он брызгал с небес на землю краскою,

Он писал Христа и улыбался мне ласково.

И вскипела во мне кровь! И вскочила я рысьим прыжком
на ноги!

Господи! Это ж моя любовь! Возьми меня тоже на небо!

Чтобы мы там вместе летели, славя любовь нашу
последнюю,

окаянную,
Над любовной постелью,
Над младенческой колыбелью,
Обочь – над Волгой – креста деревянного,
Чтоб летели, сплеться, сцепившись намертво!...
А людям бы на Земле казалось,
Что это Андромеда с Персеем крепко обнялась-
обязалась,
Что это Дева с Охотником-Орионом съединились в
вечном
качании-скольжении,
Господи!... Ты ж все можешь...
Дай нам, двум бедным смертным, это... Преображение...

.....

И гром загремел. И все исчезло.
И одна я на горе Фавор, плачущая.
И со мною – только сердце мое, в груди летящее,
скачущее.
И надо мною – только чайка в черном небе кричит
незримая:
Не плачь, девочка моя одинокая,
доченька любимая.

Пророк Илия возносится на огненной колеснице

1.

С пожаром золотых волос-
Берез, со шрамами оврагов,
С кипением апрельских слез
Среди скуластых буераков,
С прищурами безрыбных рек,
С дерюгою-рваньем буранов —
О ты, мой бедный человек,
Илья-Пророк, от горя пьяный,
Слепой от ненависти, лжи, —

Скажи, Илья-Пророк, скажи,
Уста отверзни, молви слово
Нам, утонувшим во словах,
Что остается нам святого
Пред тем, как мы сойдем во прах!
Отечество тебя объемлет
Огромной ночью... Но стоишь
В ночи. И зришь Святую Землю:
Весь Глад и Мор. И Сушь. И Тишь...

И, прострелив очами Время,
Весь огненный, в ночной сурьме,
Летишь – и плачешь надо всеми,
Кто срок пожизненный в тюрьме
Мотает, кто хрипит в больнице,
Кто в поцелуе невесом...
И пламенная Колесница
Летит!
...И ты – под Колесом.

2.

Борода его билась тугим огнем
На упорном черном ветру.
И от глаз его было светло, как днем.
И пылали скулы в жару.

Ты, Илья-Пророк, ты два уволок... —
А и кто же нам их вернет?... —
Эх, старик, ведь наш прогнул потолок,
Наш порог обратился в лед.

В перекрестье таких проходных дворов,
Где секрет – остаться живым, —
Ты пророчил:
— Будет жива Любовь, —

И глотал сигаретный дым.

Во застольях таких золотых дворцов,
Где цианистый калий пьют,
Ты кричал:
– Да будет в конце концов
Над убийцами – Страшный Суд!

А сейчас ты стоишь, весь в пурге-снегу,
Тьму жжешь рыжею бородой,
И речешь:
– Прости своему врагу,
Старый царь и раб молодой!

Протяните руки друг другу – вы,
Убивающие в упор.
Возлюбите крепко друг друга вы —
Богомаз, офицер и вор!

Я пророчу так: лишь Любовь спасет.
Чтобы мир не пошел ко дну,
Чтобы не обратился в Потопный плот —
Возлюби, Единый, Одну!

Мы погибнем, чтобы родиться вновь.
Мы себя под топор кладем,
Чтобы так засверкала в ночи – Любовь:
Проливным, грозным огнем!

О, заплачьте вы надо мной навзрыд.
Я – Пророк. Мой недолог век.
А сейчас – Колесница моя горит,
Кони бьют копытами снег.

И, доколе не взмыл от вас в небеса,
Под серебряный вой пурги,
Говорю: распахните настежь глаза,
Хоть глаз выколи, хоть – ни зги.

И прозрите – все. И прозрейте – все.
И прощайте... – мой вышел срок... —
Спица огненная в живом Колесе,
Рыжеусый Илья-Пророк.

Иов

Ты все забрал.
И дом и скот.
Детей любимых.
Жен полночных.
О, я забыл, что все пройдет,
Что нет великих царств бессрочных.

Но Ты напомнил!
И рыдал
Я на узлах, над коркой хлеба:
Вот скаल्पель рельса, и вокзал,
Молочно-ледяное небо.

Все умерли...
Меня возьми!
И голос грянул ниоткуда:
– Скитайся, плачь, ложись костями,
Но веруй в чудо,
Веруй в чудо.

Аз есмь!...
И ты, мой Иов, днесь
Живи. В своей России. Здесь.
Скрипи – на милостыню старцев,
Молясь... Все можно перенести.

Безо всего – в миру остаться.

Но веруй!

Ты без веры – прах.

Нет на земле твоих любимых.

Так, наша встреча – в небесах,

И за спиною – два незримых

Крыла!...

Вокзал. Немая мгла.

Путь на табло?... – никто не знает.

Звения монистами, прошла

Цыганка. Хохот отлетает

Прочь от буфетного стола,

Где на стаканах грязь играет.

И волчья песня из угла:

Старик

О Будущем рыдает.

Пир Валтасара

Содвинулись медные круглые чаши
Над бедным, в газетах, столом.
Вот гулкое, кущее счастье наше —
Общага, наш временный дом.

Общага, и кружево пены, бутyli,
Селедка на рвани бумаг —
И, юные, мы среди песни застыли,
Друг друга почуяв впотьмах.

Какие там юные!... — Грудь моя сыном
В те годы отпита была...
И двум сыновьям во квартирных теснинах
Мерцали твои зеркала...

Какие там свежие!... — Галочки лапы
Морщин, недоступных глазам,
И — вниз по годам, по соленому трапу,
Не ведая, что ахнет там...

Подобно то было небесному свету.
Тугое мужское лицо
Катилось в меня искрометной планетой,
Огнями сжималось кольцо.

А то, что золотое колечко блестело
Меж черных мозолей и вен... —
Вот тело мужское.
Вот женское тело.
И жизнь— за секунду — взамен.

И как мы над жирной лазурной селедкой,
Над звоном стакана в пиру
Друг к другу рванулись!
Эх, век наш короткий!
Эх, вечное наше: «Умру!...»

Но ясная песня цвела и кричала
И в щеки нам била, как снег:
«Любите друг друга, начните сначала
Бровей ваших нежность... и век...»

И под общежитскую злую гитару
Мы друг через друга текли —
И маслом кухонным,
и детским пожаром,
И кровью небес и Земли,

И шепотом писем, похожих на воздух,
Что — из кислородных резин, —
И слезы всходили, как кратные звезды,
Над нитями наших седин!...

Улыбкой, дыханьем смыкались, впивались,

Сливая затылки, ступни...
Мы только глядели. Мы не целовались.
Мы были в застолье одни.

И замер гогочущий пир Вальтасара.
И буквы вокруг лампы зажглись
Табачные, дымные...
Я прочитала.
И солью глаза налились.

Ты тоже те буквы прочел... Содрогулся...
Но все! Пропитались насквозь
Друг другом! Дотла!... И ты мне улыбнулся,
И остро коснулся волос...

А кто-то селедку норвежскую резал!
А кто-то стаканы вздымал!
И, пьяный, безумный, больной и тверезый,
Всей песней – всю жизнь
обнимал.

Два урки, в поезде продающие библию за пятерку

Эх, тьма, и синий свет, и гарь, испанский перестук
Колес, и бисеринки слез, и банный запах рук!...

И тамбур куревом забит, и зубом золотым
Мерцает – мужики-медведи пьют тягучий дым...

А я сижу на боковой, как в бане на полке.
И чай в одной моей руке, сухарь – в другой руке.

И в завитках табачных струй из тамбура идут
Два мужика бритоголовых – в сырый мой закут.

От их тяжелых бритых лбов идет осторожный свет.
Мне страшно. Зажимаю я улыбку, как кастет.

Расческой сломанных зубов мне щерится один.
Другой – глазами зырк да зырк – вдоль связанных корзин.

Я с ними ем один сухарь. Родную речь делю.
Под ватниками я сердца их детские – люблю.

Как из-за пазухи один вдруг книжищу рванет!...
– Купи, не пожалеешь!... Крокодилий переплет!...

Отдам всего за пятерик!... С ней ни крестить, ни жить,
А позарез за воротник нам треба заложить!...

Обугленную книгу я раскрыла наугад.
И закричала жизнь моя, повторена стократ,

С листов, изъеденных жучком, – засохли кровь и воск!
... —

С листов, усыпанных золой, серебром, горстями звезд...

Горели под рукой моей Адамовы глаза,
У Евы меж крутых грудей горела бирюза!

И льва растерзывал Самсон, и плыл в Потопе плот,
И шел на белый свет Иус головкою вперед!...

– Хиба то Библия, чи шо?... – кивнул другой, утер
Ладонью рот – и стал глядеть на снеговой костер.

Сучили ветки. Города мыл грязные – буран.
Глядели урки на меня, на мой пустой стакан.

И я дала им пять рублей за Библию мою,
За этот яркий снеговой у жизни на краю,

За то, что мы едим и пьем и любим – только здесь,
И что за здешним Бытием иное счастье есть.

Орган

Ночная репетиция. Из рам
Плывут портреты – медленные льдины.
Орган стоит. Он – первобытный храм,
Где камень, медь и дерево – едины.
Прочь туфли. Как в пустыне – босиком,
В коротком платье, чтобы видеть ноги,
Я подхожу. Слепящим языком
Огонь так лижет идолов убогих.
Мне здесь разрешено всю ночь сидеть.
Вахтерша протянула ключ от зала.
И мне возможно в полный голос спеть
То, что вчера я шепотом сказала.
На пульте – ноты. Как они темны
Для тех, кто шифра этого – не знает!...
Сажусь. Играть? Нет, плакать. Видеть сны —
О том лишь, как живут и умирают.

Я чувствовала холод звездных дыр.
Бредовая затея святотатца —
Сыграть любовь. И старая, как мир —
И суетно, и несподручно братья.
Я вырывала скользкие штифты.
Я мукой музыки, светясь и мучась
Вдруг обняла тебя, и то был ты,
Не дух, но плоть,

не случай был, но участь!
И чтоб слышней был этот крик любви,
Я ость ее, и кость ее, и пламя
Вгоняла в зубы-клавиши: живи
Регистром vox humana между нами!

А дерево ножной клавиатуры
Колодезным скрипело журавлем.
Я шла, как ходят в битву напролом,
Входила в них, как в землю входят буры,
Давила их, как черный виноград
По осени в гудящих давят чанах, —
Я шла по ним к рождению, назад,
И под ногами вся земля кричала!
Как будто Солнце, сердце поднялось.
Колени розовели в напряженье.
Горячих клавиш масло растеклось,
Познав свободу взрыва и движенья.
Я с ужасом почувствовала вдруг
Живую скользкость жаркой потной кожи
И под руками – плоть горячих рук,
Раскрывшихся в ответной острой дрожи...
Орган, раскрыв меня сухим стручком,
Сам, как земля, разверзшись до предела,
Вдруг обнажил – всем зевом, языком
И криком – человеческое тело.
Я четко различала голоса.
Вот вопль страданья – резко рот распылен —
О том, что и в любви сказать нельзя

В высоких тюрьмах человеческих спален.
Вот тяжкий стон глухого старика —
Над всеми і стоят кресты и точки,
А музыка, как никогда, близка —
Вот здесь, в морщине, в съжившейся мочке...
И – голос твой. Вот он – над головой.
Космически, чудовищно усилен,
Кричит он мне, что вечно он живой
И в самой смертной из земных давлен!
И не руками – лезвием локтей,
Щеками, чья в слезах, как в ливнях, мякоть,
Играю я – себя, тебя, детей,
Родителей, людей, что нам оплакать!
Играю я все реки и моря,
Тщету открытых заново Америк,
Все войны, где бросали якоря,
В крови не видя пограничный берег!
Играю я у мира на краю.
Конечен он. Но я так не хотела!
Играю, забирая в жизнь свою,
Как в самолет, твое худое тело!
Летит из труб серебряных огонь.
В окалине, как в изморози черной,
Звенит моя железная ладонь,
В ней – пальцев перемолотые зерна...

Но больше всех играю я тебя.
Я – без чулок. И на ногах – ожоги.
И кто еще вот так возьмет, любя,

До боли сжав, мои босые ноги?!
Какие-то аккорды я беру
Укутанной в холстину платья грудью —
Ее тянул младенец поутру,
Ухватываясь крепко, как за прутья.
Сын у меня! Но, клавиши рубя,
Вновь воскресая, снова умирая,
Я так хочу ребенка от тебя!
И я рожу играючи, играя!

Орган ревет. Орган свое сыграл.
Остался крик, бескрайний, как равнина.
Остался клавиш мертвенный оскал
Да по углам и в трубах – паутина.
Орган ревет! И больше нет меня.
Так вот, любовь, какая ты! Скукожит
В червя золы – безумием огня,
И не поймешь, что день последний прожит.
Ты смял меня, втянул, испепелил.
Вот музыки владетельная сила!

Когда бы так живую ты любил
Когда бы так живого я любила...

И будешь жить. Закроешь все штифты.
Пусть кузня отдохнет до новых зарев.
И ноты соберешь без суеты,
Прикрыв глаза тяжелыми слезами.
О, тихо... Лампа сыплет соль лучей.

Консерваторская крадется кошка
Дощатой сценой... В этот мир людей
Я возвращаюсь робко и сторожко.
Комком зверья, неряшливым теплом
Лежит на стуле зимняя одежда.
И снег летит беззвучно за стеклом —
Без права прозвучать... и без надежды.
Босые ноги мерзнут: холода.
Я нынче, милый, славно потрудилась.
Но так нельзя безмерно и всегда.
Должно быть, это Божеская милость.
А слово «милость» слаще, чем «любовь» —
В нем звуки на ветру не истрепались...
На клавише — осенним сгустком — кровь.
И в тишине болит разбитый палец.
И в этой напряженной тишине,
Где каждый скрип до глухоты доводит,
Еще твоя рука горит на мне,
Еще в моем доме живет и бродит...

Ботинки, шарф, ключи...
А там пурга,
Как исстари. И в ноздри крупка снега
Вонзается. Трамвайная дуга
Пылает, как горящая телега.
Все вечно на изменчивой земле.
Рентгеном снег, просвечивая, студит.
Но музыки в невыносимый мгле,
Такой, как нынче, никогда не будет.

Стою одна в кружение белых лент,
Одна в ночи и в этом мире белом.
И мой орган – всего лишь Инструмент,
Которым вечность зимнюю согрела.

Матерь мира

Дымы, пожарища, хрипение солдат,
И крики: «Пить!...» – из-под развалин...
И Время не закрутится назад,
В молочный сумрак детских спален.

Мир обнаженный в прорези окна.
Меж ребер пули плачут и хохочут.
Так вот какая ты, сужденная война,
Багряный Марс, полночный красный кочет!

Летят твои кровавые лучи
В ключицы и ложбины, в подреберья
Дворов и подворотен, и ключи
Лежат под ветром выбитою дверью...

В проеме – я.
В виду застрех и слег,
Охваченных полынным, черным дымом,
Еще не зверь, уже не человек,
Кричу: отдай! Отдай моих любимых!

Из чрева моего пошли они
В казенный мир, брезентом, порохом пропахший, —
Отдай их, Бог! Мои сыны они!
И бледный лейтенант, и зэк пропащий!

Я – баба. Этот свет я не спасла.
Любила мужика... детей рожала...
Дай, Бог, мне, дай широких два крыла,
Чтоб на крылах сынов я удержала!

Хоть двух спасти – а там прости-прощай.
Я улечу на Марс кроваво-красный.
Пусть рушится земной солдатский Рай.
Пусть далеко внизу собачий лай.
Еще восстанет жизнь... прекрасной...

Держитесь, мальчики! Среди планетных зим,
Средь астероидов, кометных копий
Заплачем мы над нищим и больным,
Океанийским, зверьим и степным,
Военным, княжеским, холопым...

И, мать, рукою сыну укажу:
– Там – Родина:
Междуусобной розни...

И мелко, страшно, сердцем, кожей задрожу,
И лютый Космос в кулаках я еле удержу
Двумя колосьями – черно-искристый, грозный.

Ковчег

Затерян в копиях снеговых, в ладонях мира ледяного,
Один – нет никого в живых, лишь ветер приговор
суровый

Читает, – он плывет один, он срубовой, и бревна толсты,
И сам себе он господин, и шепчут на морозе звезды:
«Гляди-ка, дом!...» Земля мертва. Пуста, что ледяная
плошка.

А в доме том свинья жива, собака лает, плачет кошка.
А в доме том седой старик, усатый, сморщенный и лысый,
Богатство зрит: вот белка – прыг, вот зайцы, овцы, гуси,
крысы,
Вот волк с волчицею, павлин, чета волов, стрекозы, козы,
—

А дом плывет в ночи, один, и на морозе звезды – слезы...
Старик по пальцам перечтет змей пестрых и жуков
заморских;
У ног его, урча, уснет толпа седых котов ангорских...
Старик заохает, кряхтя и шерсть линяющую сбивая
С фуфайки: сын Лисы – дитя, сын Кобры – хитрость
огневая!...

А там, дай Господи, пойдут роды, и семьи возродятся,
И звезды новые сверкнут на пятках скачущего Зайца,
И род Оленя, род Совы, род Волка, род Орла Степного
Из мерзлой снеговой травы, горя глазами, вспыхнут
снова!

И гладит, гладит их старик – своих, спасенных им,
зверятток:

Эх, звери, мир вчера возник, а нынче весь застыл, до
пятток,

А завтра стает мертвый лед, и забелеют камни-кости,
И я вас выпущу... вперед!... В моем доме вы были –
гости...

Зверюшки... пума и кабан... и леопард, в мазутных
пятнах...

Мир будет Солнцем осиян. Вы не воротитесь обратно.
Вы побежите есть и пить, по суходолам течь, как пламя,
Сплетаясь, яростно любить и высекать огонь рогами!...
Зверье мое... Когда-нибудь меня ты вспомнишь, серый
заяц,

В полях полночных долгий путь, поземку, сутемь, горечь,
замять...

И то, как пережили мы, внутри веселого Ковчега,
Ночь красных звезд,
чуму зимы,
сырой, дырявый саван снега.

Как я давал вам хлеб из рук, вас целовал в носы и уши,
Сердце собачьих чуял стук, любил медвежьи, волчьи
души,

И знал, что этот час пробьет, взовьется небосвод горячий,
И я вас выпущу... вперед!... – и в корни рук лицо
запрячу,

И близ распахнутых дверей, близ жизни новых
поколений

Я упаду среди зверей перед Ковчегом на колени;

И по моей спине пройдут копыта, когти, зубы, жала,
И смерть пребудет как закут, где жизнь моя щенком
дрожала.

Видение войска на небе

Войско вижу на небе красное...

Любимый, а жизнь все равно прекрасная.

Колышутся копья, стяги багряные...

Любимый, а жизнь наша – эх, окаянная...

Вздымают кулаки хоругви малиновые...

Любимый, а жизнь наша – долгая, длинная...

А впереди войска – человек бородатый, крылья алые...

Любимый, а жизнь-то наша – птаха зимняя, малая...

А войско грозно дышит, идет, и строй его тесней смыкается!...

Любимый, всяк человек со своей судьбою свыкается...

А войско красное – глянь! – уж полнеба заняло!...

Любимый, я боюсь, ох, страшное зарево...

А и все небо уж захлестнуло войско багровое!... —

Любимый, оберни ко мне лицо суровое,

И я обниму тебя яростно, и поцелую неистово, —

Не бойся, в поцелуй-то они не выстрелят!...

Вот она и вся жизнь наша, битая, гнутая, солгannая,
несчастливая,
Любовная, разлучная, холодная, голодная, все равно
прекрасная.

И мы с тобою стоим под пулями в красном объятии, —
Любимый, а жизнь-то наша, зри: и объятие, и Распятие.

Крик

Оббивает мне лоб мелкий пот.
Я в кольце гулких торжищ – жива.
И ребенок, кривя нежный рот,
Повторяет мои слова.

Я молчу, придвигая уста
То к посуде, то к мерзлым замкам,
То к ладони, где в форме креста —
Жизнь моя: плач по ветхим векам.

Я молчу. Грубо мясо рублю.
На доске – ледяные куски.
Накормлю! – это значит: люблю.
Чад венчает немые виски.

И, когда я на воздух бегу,
Чтоб в железных повозках – одной,
О, одной бы побыть!... – не могу
Говорить – и с самою собой.

Правда серых пальто, бедных лиц,
Ярких глаз, да несмахнутых слез!
В гуще бешенейшей из столиц
Я молюсь, чтобы ветер унес

Глотки спазм – а оставил мне крик,
Первородный, жестокий, живой,
Речь на площади, яростный рык
И надгробный отверженный вой,
И торжественный, словно закон,
И простой, будто хлеб с молоком,
Глас один – стоголосый мой хор —
Под ключицею,
Под языком.

Баянист под землей

*Ветер-нож, разрежь лимон лица!
Слезный капнет сок...
До конца, до смертного венца –
Черный свод высок.
И когда спускаюсь в переход,
Под землей бреду,
Пулей посылает черный свод
Белую звезду
прямо под ребро...*

* * *

Белые копыя снегов в одичалую грудь
Навылет летят.
Льдом обрастает, как мохом, мой каторжный путь!
Стоит мой звенящий наряд
Колом во рдяных морозах! Хозяин собак
Не выгонит, пьян, —
Я же иду по ночам в лихолетье и мрак:
Туда, где баян.

Скользок и гадок украшенный кафелем мир

Подземных дворцов.

Вот сталактиты светильников выжгли до дыр

Газеты в руках у птенцов.

Вот закрывается локтем несчастная мать,

На грязном граните – кормя...

Мир, дорогой, я тебя перестаю понимать, —

Поймешь ли ты мя?!

Тихо влачусь под землей по широким мостам —

Гранит режет взор,

Мрамор кроваво-мясной, кружевной, тут и там,

Мономах-лабрадор!

Господи, – то ли Карелия, то ли Урал,

А то ли Эдем, —

Только, Исусе, Ты не под землей умирал —

Где свет звездный: всем!...

Руки ковшами, долбленками тянут из тьмы

Мальцы, старики...

В шапках на мраморе – меди мальки... Это мы —

Наши щеки, зрачки!

Мы, это мы – это мой перекошенный рот

У чеченки с мешком...

Вдруг из-за царской скульптуры – как песня хлестнет

Крутым кипятком!

Баянист, гололобый, беззубый, кепчонку надвинь —

Сыграй мне, сыграй:

“На сопках Манчжурии” резкую, гордую синь,

Потерянный Рай.

“Зачем я на свет появился, зачем меня мать
Родила...” – и марш золотой,
“Прощанье славянки”, ту землю, что будет пылать
Под голой пятой!...

Мни в руках и терзай, растяни, обними свой баян,
Загуди, захрипи,
Как ямщик умирал, от мороза и звезд горько пьян,
Во широкой степи!
Как колечко венчальное друга неслышно просил
Жене передать, —
Баянист, пой еще, пока хватит и денег и сил
Близ тебя постоять...

О, сыграй мне, сыграй! Все, что мерзнет в карманах, —
возьми!

То мусор и смерть.

Ты сыграй мне, как молния счастья бьет меж людьми —
Так, что больно глядеть.

Руки-крючья целуют, клюют и колотят баян,
Руки сходят с ума —
Роща отговорит золотая, и грянет буран,
Обнимет зима...

А вокруг — люди шьются-мелькают, как нить в челноке,
Пронзают иглой
Адский воздух подземки, наолку на тощей руке,
Свет над масляной мглой!

О, сыграй, пока море людское все бьет в берега
Небес и земли,
Пока дедов баян все цепляет худая рука,
Люстр плывут корабли!...

Играй, мой родной! Играй! Он пробьет, черный час.
Он скует нас, мороз.
Играй, пока нищая музыка плещет меж нас
Потоками слез.
Играй. Не кончайся. Стоять буду год или век
У шапки твоей, следя то прилив, то отлив
Людской, отвернувшись к морозному мрамору,
таящий снег — из-под век —
Ладонью закрыв.

Кхаджурахо

Книга любви

Любовь

...Ну наконец-то я о Ней скажу.

Петлей стыда захватывает горло.
О Ней жужжали, пели, свиристели,
О Ней – меж хладом дула у виска
И детскою бутылкою молочной —
Ругательством тяжелым вспоминали
Или нежнейшим просверком очей...

Молчите все. Мое пришло время.
Я повторить чужое не боюсь.
Я все скажу старинными словами.
А сами мы – из клеток, из костей
Да из кровей каких? – не тех ли, давних?!

Так что же мне бояться?! Все о Ней,
О Ней хотят лишь слушать или ведать,
А коль не послана Она – Ее
Испить на холоду питьем горячим
Из книжных рук, из драненьких тех Библий,

Что пахнут сыростью, прошиты древоточцем,
Или со свежих глянцевого страниц,
Оттиснутых вчера еще, стремглав
Распроданных, расхищенных с прилавков, —

А там все про Нее, все про Нее...

Так нате же, голодные! И вы,
Кто Ею сыт по горло, кто познал
Ее во всех звериных ипостасях,
И в многоложестве, и в грехе Содомском,
И кто Ее, как карты, тасовал —
Одна! Другая! Козырь вот пошел!... —
Вы, кто Ее распялил на столе,
Чтоб, как Везалий, изучить все жилы,
Где светится отчаянная кровь,
Где бродит мед Ее... вы, жесткие поэты,
Кричащие о Ней на площадях
То, что вдвоем нагие люди шепчут, —
И вы, старухи, зубы чьи болят
И так все косточки к дождю и снегу крутит! —
И вы, малыцы в петушьих гребешках,
Вы, рокеры с крутым замахом локтя
На тех, кто рядом с вами, в тот же час,
В горячем цехе вам деталь штампует
Для всех мопедов ваших оголтелых! —
И вы, девчонки за стеклом сберкасы,
В окошках-прорубях до дна промерзшей почты,
Наманикюренные, в здании громадном —

Затерянные малые рыбешки,
Плывущие зимою океанской,
Которой края нет и нет конца,
Кладущие печать на извещения,
Мечтающие – все о Ней, о Ней... —
И вы, геологи в своих высокогорьях,
В прокуренной мужчинской тьме палаток,
В вагончиках, где варится на плитке
Суп из убитого намеренно глухаря, —
И вы, хирурги в том Афганистане,
Но что еще и в будущем пребудет, —
Вы, кто клонился над ногой мальчишки,
В поту морозном зажигая кетгут, —
А он, родимый, истошно кричал:
«Она меня безногого – не бросит!...» —
Вы, все вы, люди горькие мои,
Которых – о, люблю с такою силой, —
С неженскою уже, с нечеловечьей:
Горы, метели, зверя ли, звезды! —
Вы все, любимые, – о, нате же, держите,
Хватайте: вам даю ломоть ее,
Чтоб с голоду не померли, однако,
В разбойном, обнищавшем нашем мире, —
ЛЮБВИ.

Тьма пред рассветом

Железная кровать ржавеет.
Нагие трубы за окном.
В ночную фортку звезды веют,
Покуда спим тяжелым сном.

Скрипят острожные пружины.
И в щели дома гарь ползет.
Чугунной глыбой спит мужчина.
И светел женщины полет.

Спят звери, птицы и народы —
До пробужденья, до утра.
Горит во мраке твердь завода —
Его стальные веры.

Пылает зарево больницы:
Не сосчитать оконных свеч...
Дрожат смеженные ресницы.
Пылает масло потных плеч.

Сон борет нас. Но мы сильнее.
Вот эта тяга.
Вот волна —
Слепя, сжигая, каменея,
Встает из темноты, со дна.

Тебя от смерти защищая,
Сплетаю руки за спиной.
Свечою тела освещаю
Храм спальни, душный, ледяной.

Обнимешь ты меня устало.
Положишь смертных уст печать.
И ляжет на пол одеяло,
Чтоб нашей воле не мешать.

Еще до свиста, до метели,
До звона рельсов, до гудка,
До белизны святой постели,
Где – одинокая тоска,

До Времени и до Пространства,
До всех измен, где плоть болит,
И до такого постоянства,
Что золотом – по камню плит,

Еще своей любви не веря,
Мы просыпаемся, дрожа...
И вольно отворяю двери
Навстречу острию ножа,

Навстречу грубому объятию,
Что нежностью истомлено,
Навстречу древнему проклятию,

Где двое сцеплены в одно!

И я, от чуда обмирая,
Целуя потный твой висок,
Вхожу, смеясь, в ворота Рая,
Даю голодному кусок,

Дитя нероженое вижу
В сиянье нам сужденных дней —
И обнимаю крепче, ближе,
И невозвратней, и страшней.

Храм Кхаджурахо

...А в Индии храм есть. Зовется он так: Кхаджурахо.
Огромный, как выгиб горячего бока Земли,
Он полон тел дивных из камня, не знающих страха,
Застывших навеки, навеки сращенных – в любви.

Давно прочитала про храм сей в стариннейшей книжке...
Я в Индии – буду ли, нет ли... А может быть, так и
помру...

Но как прошепчу: «Кхаджурахо!...» – так бьется под
левой подмышкой,
И холодно, будто стою на широком ветру.

Я там не была никогда – а сколь часто себя представляла
Я в этих апсидах и нишах, в духмяной, сандаловой тьме,
Когда предо мною, в скульптурах, Любовь предстояла —
Свободною, голою, не взаперти, не в тюрьме.

Гляди! – как сплелись, улыбаясь, апсара и Шива...
Он между лопаток целует так родинку ей,
Что ясно – вот этим, лишь этим мы живы,
Вжимаясь друг в друга немей, и сильнее, и больнее...

А эти! – огонь излучает источенный временем камень:
Раздвинуты ноги гигантским озерным цветком,
И грудь упоенно цветет меж мужскими руками —

И смерть мимо них ковыляет старухой, молчком...

А эти, в углу полутемном, – как мастер ваял их, дрожащий?...

Откинулась навзничь она, а возлюбленный – вот,
Восходит над нею... Их свет заливает, лежащих,
И золотом льет на лопатки, на лунный живот...

О тело людское! Мужское ли, женское тело —
Все любит! Мужчина свою зажигает свечу,
Чтоб женская тьма, содрогаясь, огня захотела —
Воск жаркий катя по губам, по груди, по плечу!

Какое сиянье из всех полушарий исходит!
Как сферы расходятся, чтобы вошел резкий луч!
Как брага библейская в бочках заклепанных бродит
И ветра язык – как ласкает звезду меж пылающих туч!

И я, россиянка, девчонка, как мышка стою в Кхаджурахо,
Во дерзком том храме, где пары танцуют в любви,
И нету уже у меня перед смертью скелетною страха,
И очи распахнуты вольно и страшно мои!

Под платьем залатанным – под комбинашкой, пропахшей
Духами дешевыми – тело нагое мое...

О, каждый из нас, из людей, в этом мире – пропащий,
Доколь в задыхании, перед любовью, не скинул белье!

Доколе, ослепший от света и крика, не сгинул

В пучине горячей, где тонут и слезы, и пот,
И смех, – где меня мой любимый покинул,
И где он меня на сибирском морозе, в тулупе, по-
прежнему ждет...

И я перед этою бездною мрака и праха,
Средь голых возлюбленных, густо, тепло населяющих
храм,
Девчонкою – матерью – бабкой – стою в Кхаджурахо
И мыслю о том,
что – такой же —
в три дня – и навеки! —
Греховною волей создам.

И там, в очарованном и новоявленном храме,
Я всех изваяю,
Я всех, перекрестясь, напишу —
И тех, кто друг друга сжимает больными перстами,
И тех, кто в подвале, целуясь, вдыхает вздох анашу...

И тех, кто на нарах тюремных впивался друг в друга —
Так в клейкость горбушки впивается рот пацана...
А я? Изваяю, смеюсь, и себя в эпицентре опасного круга,
Где буду стоять – Боже, дай Ты мне силы – одна.

Но я изваяю себя – обнаженной! Придите, глядите —
Ничто я не скрою: вот складки на шее, живот
Огрузлый, – вот в стрижке опричной – латунные нити,
В подглазьях – морщины, сиротскими птичьими

лапками, – вот!...

Вот – я!... Родилась, – уж себя – отвергайте, хулите! –
оставлю.

На то Кхаджурахо я строю отчаянный свой:
Я так, одинокая, страстные пары восславлю,
Что воздух зажжется
над чернорабочей
моей головой.

* * *

– Ну, так давай войдем.
Это не храм. Это дом.
Кошачье царство – подъезд.
Безумная площадь – окрест.
В подъезде лампа – зверина, тускла.
Багряная тьма.
Багровая мгла.
Окурками мечен
лестничный ход.

– ...и здесь Любовь – живет?...

– Дай руку мне.
Крепче сожми.

Вперед.

Дом

Вот он, дом. Я сюда не хотела идти.
Я хотела – объятий, как ягод.
Только чуяла – под ноги мне на пути
Эти лестницы стылые лягут.

Поднимайся же, баба, вдоль по этажам.
За дверьми – то рыданье, то хохот.
Так, должно быть, циркачки идут по ножам,
Слыша зала стихающий рокот...

Одинока угрюмой высоты тюрьма.
На какой мне этаж?... – я забыла...
Свет багровый!... А лестница – можно с ума
Тут сойти, так вцепляясь в перила!

Ну же, выше!... На лестничных клетках – огни,
Как волчиные – во поле – зраки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.